

УДК 343.33

Солянин Антон Михайлович

Магистр 1-го курса научно-исследовательского университета
Высшей Школы Экономики
venik-ment@mail.ru

Картавченко Виктория Владимировна

доцент кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный университет
venik-ment@mail.ru

Жёлобов Владимир Николаевич

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
venik-ment@mail.ru

Anton M. Solyanin

Master 1-year research University's Graduate School of Economics
venik-ment@mail.ru

Victoria V. Kartavchenko

Cand. Leg. Sci., associate professor of the Criminal Law Department
venik-ment@mail.ru

Vladimir N. Zcholobov

arrangement, lecturer, Department of humanitarian and socio-economic
disciplines Krasnodar higher military aviation pilot school
venik-ment@mail.ru

**СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ПРИМЕНЕНИЕ ЗАПРЕЩЕННЫХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ
ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ**

**SUBJECT AND SUBJECTIVE SIGNS OF THE CRIME PROVIDING
FOR THE RESPONSIBILITY FOR THE APPLICATION OF
PROHIBITED MEANS AND METHODS OF WAR**

Аннотация: В статье рассматривается субъективная сторона преступления, предусматривающего ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, выделены проблемы с которыми столкнулись правоприменители при определении интеллектуального и волевого элементов состава преступления, проведен анализ отечественных и международных правовых актов, а также теоретической базы, касающейся субъекта данного преступления. Сделан вывод о необходимости уточнения критериев выделения лиц,

относящихся к категории «главный военный преступник». Работа выполнена с применением международно-правовой практики привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления (материалы Нюрнбергского, Токийского, Хабаровского процессов, решения Верховного народного трибунала в Польше, а также Международного трибунала для преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии).

Ключевые слова: уголовное право, военное преступление, нюрнбергский процесс, международный военный трибунал, субъективная сторона состава преступления, субъект

Annotation: *The article examines the subjective side of the crime, which provides for responsibility for the use of prohibited means and methods of warfare. It identifies the problems faced by law enforcers in determining the intellectual and volitional elements of the crime. Domestic and international legal acts, as well as the theoretical framework relating to the subject of this crime are analyzed. It was concluded that it is necessary to clarify the criteria for selecting people who are classified as "the main war criminal". The work was carried out using the international legal practice of bringing to justice those who committed war crimes (materials of the Nuremberg, Tokyo, Khabarovsk trials, the decision of the Supreme People's Tribunal in Poland, and the International Tribunal for the prosecution of people responsible for serious violations of international humanitarian law committed in Territory of the former Yugoslavia).*

Keywords: *criminal law, war crime, war nuremberg trial, international military, subjective side of crime, subject*

Состояния стагнации и деградации международных отношений, терроризм, обретающий мировое значение, высокий уровень ядерного вооружения стран, многочисленные вооруженные локальные, региональные и межнациональные конфликты сопровождаются совершением преступлений против мира и безопасности человечества – все это требует правовой регламентации как на международном уровне, так и в отдельно взятых государствах с целью предотвращения совершения преступлений против мира и безопасности всего человечества, с помощью правовых средств.

Человечество многократно сталкивалось с вооруженными конфликтами, которые в процессе развития цивилизации приобретали все более опасный, жестокий, продолжительный характер. С древнейших времен предпринимались попытки правовыми средствами осудить, ограничить, запретить применение силы, как способ разрешения межнациональных конфликтов. Особенно активно и успешно проводилась работа в этом направлении в XX веке, что связано с одним из самых

кровавопролитных периодов в истории человечества – Второй мировой войной.

С окончанием этого же периода связан самый известный исторический прецедент привлечений к уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших наиболее опасные военные преступления – Нюрнбергский процесс, в ходе которого были подтверждены и реализованы международные принципы ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества, а также за проведение агрессивной политики.

Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала, закрепленное в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 95 (1) от 11 декабря 1946 года; Резолюция Генеральной ассамблеи о геноциде 96 (1) от 11 декабря 1946 года; Конвенция о геноциде от 9 декабря 1948 года; Конвенция о неприменении установленных законом сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 26 ноября 1968 года – все эти и иные документы являются свидетельством попыток, направленных на уточнение и закрепление на международном уровне, понятий и принципов, сформулированных в ходе Нюрнбергского процесса.

Понятие «геноцид» является юридическим определением, появившимся в изданной в Вашингтоне в 1944 году книге американского юриста Рафаэля Лемкина «Основное правило в оккупированной Европе». Лемкин высказывал сомнения, какой термин полностью будет соответствовать «Геноцид» или «этноцид». У первого присутствуют две основные характерные черты, а именно, уничтожение национальной модели захваченного народа и навязывание ему своей. В отношении евреев и цыган это был особый и крайний случай навязывания всей оккупированной Европе разных степеней насилия. Юридический смысл этого термина был расширен в Международной конвенции «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», подписанной 9 декабря 1948 г. в Париже и ратифицированной всеми странами - членами ООН.

В ходе пятьдесят пятого пленарного заседания Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря 1946 года было предложено Комитету по кодификации международного права, созданному этой же датой, рассматривать, в качестве вопроса первостепенной важности проекты общей кодификации преступлений против мира и безопасности человечества или международный уголовный кодекс. Результатом данной работы явился Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и Статус Международного уголовного суда.

Однако, ни разработка проекта кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, ни других международно-правовых актов в

этой области не привели к созданию единого кодифицированного акта. В связи с этим некоторые государства, опережая такую кодификацию, включают подобные нормы в свое национальное уголовное законодательство (например, по такому пути пошла Франция, включив в уголовный кодекс отдельный раздел «О преступлениях против мира и безопасности человечества»).

В российском уголовном законодательстве решению данной проблемы посвящена ст. 356 УК РФ, которая предусматривает ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. В уголовно-правовой науке данная тематика, также, является областью научных интересов различных ученых, в том числе из зарубежных стран. Такой интерес научного сообщества к рассматриваемому преступлению обоснован сложностью исследования данной проблематики, в связи с большим объемом международно-правовых актов, сложившимся за долгие годы правового регулирования на международном уровне, а также наличием большого количества терминологии, которая является поводом для дискурса и в настоящее время. Однако научные интересы большинства ученых заключаются в определении и уточнении объекта и предмета преступления, а также форм его совершения, которые составляют объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ. Субъект и субъективные признаки рассматриваемого состава преступления в научных трудах большинства ученых-правоведов остаются не рассмотренными, при этом они обосновывают это тем, что субъективная сторона рассматриваемого состава преступления абсолютно проста, и сводится лишь к тому, что данное преступление совершается с прямым умыслом. Так, например, М.Г. Янаева в своей работе пишет: «Анализ признаков субъективной стороны указанного преступления ни теоретической, ни практической сложности не представляет и поэтому в работе не проводится» [1]. Представляется, что такой подход является необоснованным и неверным.

В отличие от объективной стороны преступления, которая отражает фактические обстоятельства преступного деяния, субъективная сторона содержит психологическую сторону, т.е. отражает те процессы, которые проходят в психике виновного лица на всех стадиях преступления. Это означает, что под субъективной стороной преступления следует понимать психологическую деятельность лица, связанную с совершением преступления.

Содержание субъективной стороны любого преступления раскрывается при помощи таких категорий, как вина, мотив, цель. Правильное выяснение этих правовых категорий имеет большое юридическое значение, что подтверждается ст. 5 УК РФ, которая установила, что к уголовной ответственности привлекается лишь то лицо, которое виновно совершило общественно опасное деяние. Закрепление

данного принципа полностью запретило объективное вменение. Это означает, что лицо несет полную ответственность только в случае, если он обладал свободной волей в момент совершения преступления, т.е. был способен самостоятельно выбирать линию своего поведения.

Абсолютное большинство ученых-правоведов схожи во мнении, что преступление, предусматривающее ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, совершается с прямым умыслом. То есть, виновное лицо осознает, что применяет запрещенные средства и методы ведения войны (в любой из возможных форм его применения) и желает совершить такие действия. Это означает, что вина лица, совершившего рассматриваемое преступление содержит в себе интеллектуальный и волевой элементы.

Существует и другая точка зрения, сторонники которой сужают психологическое содержание вины, исключая один из элементов ее содержания. Так, Н.Г. Иванов не считает волевой элемент (т.е. желание) самостоятельным элементом умышленной вины, а призывает определять умысел только через осознание общественной опасности и противоправности деяния (т.е. интеллектуальный или «мыслительный» аспект) [2].

В этой связи особый интерес и научную значимость имеет мнение О.Д. Ситковской, которая утверждает, что «уголовно-правовое понятие вины не сводится к характеристике мыслительных процессов – оно включает и волевой компонент» [3].

Тот факт, что в научной среде вопрос формы вины и ее психологического содержания вызывает большое количество споров, является следствием не простой заинтересованности деятелей уголовно-правовой науки, а практической значимостью решения данного вопроса.

Впервые состав преступления (*corpus delicti*) был сформулирован в 1581 г. и довольно длительное время имел только уголовно – процессуальное значение. Только в конце XVIII века этот термин получил более широкое распространение в правовых системах европейских государств. Например в германском уголовном праве состав преступления стал обозначаться как (*thetbestand*) и вначале стал сводиться только к внешней, (т.е. объективной) стороне преступления. Затем появилась необходимость выделять психическое отношение лица к содеянному, т.е. (*thaterschaft*) субъективная сторона, не смешивая с проявляющимся вонне преступным поведением человека. Долгое время в европейском уголовном праве две категории: (*thetbestand*) объективная сторона и (*thaterschaft*) субъективная сторона существовали отдельно друг от друга. Только с середины XIX столетия происходит окончательное формирование состава преступления как уголовно-правовой категории и его определение в правовой доктрине в качестве совокупности всех признаков, содержащихся в понятии преступления.

Именно вопрос установления формы вины, а также интеллектуального и волевого элемента стал одним из основных в ходе Нюрнбергского процесса. Так, после второй мировой войны утвердилась доктрина государственного акта, которая сводилась к тому, что деяния, совершаемые от имени государства должны инкриминироваться непосредственно государству, а не лицам, являющимися их исполнителями. Данную точку зрения пытались отстоять и навязать представители защиты обвиняемых в ходе Нюрнбергского процесса. Так, Ярайсс в оправдание лиц, совершивших преступления против человечества, утверждал, что «армия, являясь сложным механизмом, имеет основной организационный принцип – принцип единоначалия и неукоснительного исполнения приказов руководства», при этом он уделил внимание и оправданию лиц, отдающих приказ, делая особый акцент на национальную приверженность и сложившийся в немецкой армии и государственном аппарате принцип «фюрерства» [4]. Данную точку зрения поддерживал А. Книрим, который утверждал: «Предположение, что военная система основана на дисциплине, а дисциплина в свою очередь, - на обязанности безоговорочного подчинения, кажется настолько очевидной, что не требует отдельного пояснения и развития» [5].

Конец доктрине государственного акта был положен при формулировании принципов деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге. Комиссия международного права, формулируя принципы, указала на то, что исполнение приказа руководства не освобождает от ответственности, если фактически был возможен сознательный выбор [6].

Таким образом, был решен вопрос, касающийся интеллектуального и волевого элементов содержания вины, тем самым впервые была закреплена концепция индивидуальной уголовной ответственности за военные преступления, так как подобные преступления совершаются конкретными людьми, а не абстрактными категориями, такими как государство или органы государственной власти.

Что касается субъекта преступления, предусматривающего ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, то ответственность физических лиц, совершивших рассматриваемый состав преступления основывается на общих условиях наступления уголовной ответственности, предусмотренных гл. 4 УК РФ. Такими условиями являются: возраст и вменяемость виновного лица.

Согласно ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ наступает у физического лица, достигшего к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста [7]. Что касается критериев определения вменяемости лиц совершивших преступление, предусматривающее ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения

войны, то они также подчинены общим правилам, установленным в гл. 4 УК РФ.

Так, можно сделать вывод, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ, однозначно, является физическое лицо. Однако, в связи с тем, что формы совершения рассматриваемого преступления многочисленны и разнообразны, то и состав лиц, их совершивших, различен. Это связано еще и с тем, что во время вооруженных конфликтов возможно совершение военных преступлений, представляющих собой единичный случай (эксцесс) являющийся, по-сути, выражением воли одного человека, который самостоятельно и выполнил объективную сторону преступного деяния. Но абсолютное большинство преступных деяний, заранее планируются военным командованием и представляют собой часть общего военно-стратегического плана. В связи с этим в юридической науке и практике принято разделять субъектов рассматриваемого вида преступления на две группы.

Впервые о выделении отдельной категории субъектов военного преступления говорится в Московской декларации от 30.10.1943 г., которая ввела термин «главный военный преступник» и установила, что к числу этих лиц следует относить тех, «преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств стран-союзников» [8].

Таким образом, названная Декларация, а в последствии и Устав Международного Военного трибунала, выделив отдельную категорию субъектов военного преступления, назвали лишь один критерий его отделения – территориальный, отнеся к данной категории лиц, которые осуществляли преступную деятельность на территории нескольких государств. В этой связи интересным представляется мнение А.И. Полторака, который считал, что для выделения категории «главный военный преступник» недостаточно одного территориального критерия. В связи с чем, он предлагал применять территориальный критерий в совокупности с масштабом преступления. В оправдание своей позиции он писал: ««Лицо может быть признано главным военным преступником даже в том случае, когда оно совершило тягчайшие по характеру и масштабу преступления, на территории одной страны, и может не являться главным военным преступником даже в том случае, когда его преступная деятельность протекала на территории двух или более стран, если по своим масштабам эта деятельность незначительна» [9].

Более того, А.И. Полторак предлагал, наряду с названными двумя, выделять третий (факультативный) критерий – занятие этим лицом такого служебного положения, которое бы позволяло ему: владеть информацией об общем плане, вносить предложения по реализации планируемых действий, иным способом осуществлять одну из руководящих ролей.

Учитывая названные обстоятельства вполне справедливо к главным военным преступникам периода второй мировой войны были отнесены Гиммлер, Геринг, Гесс, Риббентроп, Лей, Кейтель и др.

Предложенный А.И. Полтораком подход представляется наиболее точным и правильным, однако, следует обратить внимание, что разработанные им идеи актуальны в отношении войн мирового масштаба, в которые втянуты большое количество государств. В современном мире наибольшее распространение получили вооруженные конфликты локализованного, местного, немеждународного характера, в ходе которых также нарушаются правила ведения военных действий, используются запрещенные средства и методы ведения войны. Руководящую роль в таких вооруженных конфликтах осуществляют такие же главные военные преступники, однако, в силу объективных причин и характера вооруженных конфликтов сочетание всех трех критериев, необходимых для отнесения виновного лица к числу главных военных преступников, невозможно.

Следует обратить внимание, что понятие «главный военный преступник» имеет большее практическое значение для процессуального права, нежели материального. Выделение данного термина обусловлено целью определить подсудность таких лиц. Если от противоправных действий указанного лица пострадали преимущественно граждане одного государства, то правильнее рассматривать дело судом данного государства. Если же преступная деятельность была направлена против населения нескольких государств, то рассмотрение дела должно проводиться в международных судебных органах (подобных Международным военным трибуналам в Нюрнберге, Токио и т.д.). Однако возможен и третий вариант определения подсудности, который также имел место на практике – по согласованию заинтересованных стран рассмотрение дела возможно судом той или иной страны, либо международным судебным органом. Примером такой договоренности явилась передача 25 мая 1946 года Рудольфа Гесса английской стороной Польше для предания его суду Верховным народным трибуналом.

Таким образом, в данной исследовании рассмотрены субъективная сторона преступления, предусматривающего ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны, а также ранее не исследованная проблема соотношения интеллектуального и волевого элементов содержания вины, применительно к рассматриваемому преступлению. Именно данная градация субъективной стороны состава преступления представляет особый интерес с практической точки зрения, поможет избежать неточности при квалификации состава преступления.

Литература:

1. Янаева М. Г. *Применение запрещенных средств и методов ведения войны: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Москва, 1997. С. 11*

2. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. Москва, 1943. – [Режим доступа]: <https://www.lawmix.ru/abro/1537> с. 125-128.

3. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. – М.: Наука, 1976. с. 40.

4. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 томах. – Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1999. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. – М.: Наука, 1976. с. 516-540

5. Янаева М. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Москва, 1997. с. 214.

6. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. – М.: Наука, 1976. с. 516-540

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. с. 2954

8. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. Москва, 1943. – [Режим доступа]: <https://www.lawmix.ru/abro/1537>

9. Полторак А. И., Савинский Л. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. – М.: Наука, 1976. с. 29

References:

1. Janaeva m. g. use of prohibited means and methods of warfare: DIS. ... Cand. legal. Science: 12.00.08. Moscow, 1997. C. 11

2. Declaration of the four Nations on general security. Moscow, 1943. - [Mode]: <https://www.lawmix.ru/abro/1537> s. 125-128.

3. Poltorak, a. I. and Savinsky. armed conflicts and international law. The main problems. -Moscow: Nauka, 1976. s. 40.

4. The Nuremberg trials. Compendium in 8 volumes. -T. 4.-m.: law books, 1999. Poltorak, a. I. and Savinsky. armed conflicts and international law. The main problems. -Moscow: Nauka, 1976. c. 516-540

5. Janaeva m. g. use of prohibited means and methods of warfare: DIS. ... Cand. legal. Science: 12.00.08. Moscow, 1997. s. 214.

6. Poltorak, a. I. and Savinsky. armed conflicts and international law. The main problems. -Moscow: Nauka, 1976. c. 516-540

7. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. by 17.04.2017)//collected legislation of RF. -17.06.1996. -No. 25. s. 2954

8. Declaration of the four Nations on general security. Moscow, 1943. - [Mode]: <https://www.lawmix.ru/abro/1537>

9. Poltorak, a. I. and Savinsky. armed conflicts and international law. The main problems. -Moscow: Nauka, 1976. c. 29